

•

ДЖОН ЛЕ КАРРЕ

•

•

ДЖОН ЛЕ КАРРЕ

ВОЙНА В ЗАЗЕРКАЛЪЕ

•

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Л33

Серия «Классический детектив»

John Le Carré

THE LOOKING GLASS WAR

Перевод с английского И.Л. Моничева

Серийное оформление В.Е. Половцева

Печатается с разрешения литературных агентств
Curtis Brown UK и The Van Lear Agency LLC.

Ле Карре, Джон.

Л33 **Война в Зазеркалье** : [роман] / Джон Ле Карре ;
[пер. с англ. И. Л. Моничева]. — Москва : Издательство
АСТ, 2016. — 384 с. — (Классический детектив).

ISBN 978-5-17-095596-1

«Война в Зазеркалье» — увлекательная и в какой-то степени трагикомическая история о начинающем агенте спецслужб, который попадает в эпицентр борьбы двух конкурирующих разведывательных департаментов.

Он — один среди врагов. И это — тот случай, когда миссия действительно невыполнима...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Le Carré Productions, 1965
© Перевод. И.Л. Моничев, 2014
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2016

ISBN 978-5-17-095596-1

Посвящается Джеймсу Кеннауэю

Я не против быть пешкой, только
позвольте мне тоже сыграть.

Алиса

Переноска очень тяжелых предметов, таких, например, как чемоданы или дорожные сундуки, непосредственно перед отправкой радиogramмы делает мышцы предплечья, кисти и пальцев слишком нечувствительными, чтобы производить качественные сигналы с использованием азбуки Морзе.

*Ф. Тейт. Полный курс обучения
азбуке Морзе.*

*Издательство «Питман»,
Лондон*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Июль 1991 года

Любой писатель, который воображает, что ему уже удалась творческая карьера, — дурак, игрушка в руках моды и обстоятельств. На самом деле у него есть всего лишь его книги, и он обладает собственными художественными критериями, которые, если он вообще на что-то годится, гораздо более строги, чем суждения других людей.

Я усвоил этот горький урок на собственной шкуре с романом «Война в Зазеркалье», который написал вслед за «Шпионом, пришедшим с холода». Он был встречен сообществом литературных критиков Великобритании так насмешливо, что, прими я это слишком близко к сердцу, мне пришлось бы подумать о смене профессии — стать, например, мойщиком окон или на худой конец газетным обозревателем новинок литературы.

После успеха «Шпиона» я почувствовал, что заслужил право экспериментировать с более тонкими и хрупкими элементами шпионского романа, чем те, к которым я прибегал до сих пор. Поскольку правда заключалась в том, что в реальности профессия разведчика, которая знакома мне не понаслышке, отнюдь не подразумевает участия в дьяволь-

ски хитрых операциях и заговорах, ставших ловушкой для героя и героини «Шпиона». Меня теперь переполняло желание найти способ описать всю ту частую неразбериху и повседневную рутину шпионажа, в гораздо большей степени отражавшие действительность. Более того, я даже посчитал своей обязанностью сделать это, потому что, хотя «Шпиона» и провозгласили книгой, срывающей все и всяческие маски со шпионского бизнеса, на мой взгляд, она, наоборот, придала ему излишний блеск и чуть ли не ореол святости. Блистательный ум Шефа британской разведки был описан в тонах горячего поклонника руководства спецслужб, а одновременная гибель у Берлинской стены моих обреченных с самого начала влюбленных могла потрафить пристрастиям самых романтически настроенных читателей.

Ну уж на этот раз, подумал я, нужно описать суровую правду жизни. Пусть мне это дорого обойдется, но я покажу, что на самом деле наши спецслужбы далеко не так хороши; что они продолжают держаться во многом за счет той славы, которую справедливо заслужили в годы войны; что они питаются островными фантазиями столь небольшой в общем-то страны, как Англия; что они изолированы от общества, лишены разумного руководства, слишком ограждены от критики и потому в конечном счете идут к само-разрушению.

Подобное повествование, если мне удастся правильно его построить, станет рассказом не только об истинно британском разведывательном сообществе шестидесятых с его внутренними склоками и мелкими предательствами, классовыми различиями и одержимостью не допустить на своих колониальных территориях того, что виделось грубым вмешательством уродливого старшего брата —

этого американского гоблина. Оно сможет вобрать в себя портретные черты этой самой «маленькой Англии» времен Суэцкого кризиса; той Англии, которую со смехом рвали на части комики из «Переходя пределы»* и революционная, лившаяся из народных глубин музыка «Битлз». Иными словами, я хотел использовать шпионскую историю, чтобы написать *roman noir*, в котором британские спецслужбы будут изображены в виде своего рода политической сомнамбулы, все еще не пришедшей в себя после великой победы, не уверенной, борется она против русских или немцев, но продолжающей бороться, поскольку прекратить — значит проснуться. А потому «Война в Зазеркалье» призвана быть намеренным уходом в сторону от героики «Шпиона», чуть ли не пародией на него.

Причем моя ошибка, как я теперь понимаю, состояла не в том, что я слишком далеко ушел по этой опасной дорожке. Сейчас я вижу, что мне вообще не стоило вставлять в подобный сюжет Цирк и Джорджа Смайли. Не было необходимости прислушиваться к рекомендациям моего американского редактора, пусть это и был талантливый Джек Джогеган. Не следовало сдерживать остроты своих критических выпадов. И лучше всего было бы поместить департамент туда же, где, по моему убеждению, находилась в тот период сама Британия, которая непостижимым образом ухитряется существовать там же по сей день: в тумане самообмана и классового чванства, в наивном убеждении, что «никогда нам еще не жилось так хорошо». Но при этом в окружении предполагаемых внешних врагов — континентальной Европы, русских и почти всех остальных держав мира, с одной

* Телевизионное шоу. — *Здесь и далее примеч. пер.*

стороны, и в иллюзорной убежденности, с другой, что наш остров сможет вечно жить за счет как колониального наследия, так и подачек богатых американских кузенов.

Но мои британские рецензенты совершенно не поняли шутки. А если поняли, то она не показалась им хотя бы чуточку смешной. Им хотелось «Пасхального шпиона», «Рождественского шпиона», «Новых походов Алекса Лимаса». Они готовы были принять все, кроме плохих и печальных новостей. И сначала книга обрела признание среди людей, которые знают нас извне: в Европе и, что особенно меня порадовало, в Америке, где Джон Кеннет Гэббрит написал, как мой роман вызвал у него живые воспоминания о провалившемся вторжении в залив Свиней. А по отзыву Аллена Даллеса, который лишь незадолго до него покинул пост директора Центрального разведывательного управления, именно так все и обстояло в мире шпионажа. Но в Великобритании, по крайней мере на первых порах, мне пришлось смириться с горьким разочарованием многих читателей и откровенными издевательствами критики. Я был сильно уязвлен, но как-то сумел это пережить. Причем точно так же, к моему удивлению, выжила и книга, постепенно начавшая приобретать все большую популярность среди моей читательской аудитории.

Конечно, это грустная книга, но, перелистывая ее сейчас, я нахожу в ней и своеобразную прелесть. Писал я ее на острове Крит, куда бежал от излишней шумихи, вызванной публикацией «Шпиона», и в надежде спасти свой брак, которому нанес немалый урон мой первый литературный успех. Тоскуя на уединенном критском мысе, чувствуя себя немного

12 потерянным, я, видимо, поневоле проникся теми же ощущениями несбыточной любви,

которые испытывают два моих основных мужских персонажа: Эвери к ставшей для него чужим человеком жене и Лейсер — к миру, которого больше не существовало.

И даже сейчас мне трудно самому судить, насколько хорош или плох роман. Возможно, как заметил Джозеф Конрад об одном из своих героев, он впустил в себя так много, что под этой тяжестью ему трудно удержаться на ногах. Знаю только одно: это честная книга и, быть может, даже смелая. Но важнее всего, что ничего лучше я бы тогда написать не смог.

Часть I

ПОПЫТКА ТЕЙЛОРА

Здесь покоится дурак, который пытался обжудить Восток.

Киплинг

I

Летное поле покрывал снег. Его принес с севера вместе с туманом ночной ветер, от которого пахло морем. И теперь он останется здесь на всю зиму, покрывая серую землю пятнами ледяной колючей пыли, не оттаивая, но и не смерзаясь окончательно, все время одинаковый, как пейзаж без смены времен года. А сверху будет то зависать, то перемещаться туман, похожий на пороховой пушечный дым, поглощая то ангар, то будку с радаром, то силуэты самолетов, чтобы затем снова открывать их по частям, — этот лишенный цвета темный остров на фоне белой пустыни.

Это была сцена, лишенная глубины, перспективы и даже теней. Земля полностью слилась с небом, фигуры людей и здания застыли на холоде, как предметы, вмерзшие в льдину.

Позади поля аэродрома не было вообще ничего — ни дома, ни холма, ни дороги, ни хотя бы ограды или дерева, только небо, тяжело давившее на дюны, похожее на тот же туман, собравшийся вдоль грязи берега Балтики. Если горы и были, то где-то в глубине материка.

14 Группа детей в школьных фуражках собралась у длинного обзорного окна, болтая меж-

ду собой по-немецки. На некоторых были лыжные костюмы. Тейлор с унылым видом смотрел мимо них, держа бокал затянутой в перчатку рукой. Какой-то мальчишка повернулся, уставился на него, покраснел и что-то зашептал остальным школьникам. Те при- молкли.

Тейлор посмотрел на часы, описав рукой широкую дугу отчасти для того, чтобы отдернулся край рукава плаща, отчасти потому, что такая была у него манера: в ней ощущался стиль человека военного — известный полк, хороший клуб, опыт боевых действий за плечами.

Без десяти четыре. Самолет задерживался уже на час. Скоро через громкоговорители им придется объявить о причине опоздания. «Интересно, что скажут? — подумал он. — Вероятно, что вылет был отложен из-за тумана». Они скорее всего и не знали, а если знали, то не признались бы в том, что лайнер на двести миль отклонился от положенного курса и пролетал южнее Ростока. Тейлор покончил с напитком и повернулся, чтобы поставить пустой бокал. Приходилось признать, что некоторые из иностранных спиртных напитков, какие можно было попробовать только в странах, где их производили, оказывались вполне приличными на вкус. Если ты привязан к одному месту и должен скоротать пару часов, а за окном десять градусов мороза, «штайнхегер» придется в самый раз. По возвращении он непременно попросит выписать несколько бутылок для бара «Эйлиес-клуба» — парням он понравится.

Громкоговоритель загудел, издал громкий свист и наконец заработал как следует, когда его настроили. Дети с любопытством уставились на него. Сначала прозвучало объявление по-фински, затем по-шведски и только потом по-английски.